

Проспав около четырёх часов, Жун Тянь проснулся от аппетитного запаха еды. Открыв глаза, молодой мужчина повернул голову и посмотрел на стоящий неподалёку стол, на котором уже разместились несколько тарелочек с лучшими яствами, а миски с палочками для еды также были расставлены в полном порядке — бери и ешь.

Несомненно, это Цю Лань и близняшки постарались. Не смея разбудить господ шумом, девушки тихо вошли в покои и, накрыв стол, также тихо удалились.

В объятиях почувствовалось лёгкое движение. Жун Тянь увидел, как спящий на его груди князь зашевелился, а спустя очень долгое время последний поднял голову, одаривая молодого мужчину рассеянным взглядом.

Взор императора Силэй наполнился нежностью:

— Проголодался?

— А? — потеряв глаза, Фэн Мин, вновь вернувшись в объятия, наполовину опёрся на грудь любимого.

Двое мужчин хоть и немного проголодались, однако всё ещё не собирались встать, а, наоборот, обнявшись, продолжили лежать в постели.

Посчитав Жун Тяня огромной высококачественной простыней, князь то и дело ворочался на нём, принимая более удобную позу, после чего, лениво развалившись на мужчине, пролежал так ещё около получаса и только потом, выпустив длинный вздох, открыл большие ясные глаза — теперь можно было сказать, что Его Светлость окончательно проснулся.

— Я обниму тебя и пойдём поедим, хорошо?

— Не голоден... Давай ещё немного полежим.

На что Жун Тянь со смехом ответил:

— Хорошо. — И, вытянув руку, нежно погладил чёрные волосы Фэн Мина.

Пролежав неподвижно в объятиях императора Силэй ещё какое-то время, Фэн Мин внезапно прошептал, сладко улыбаясь:

— Если бы не заботили всякие военные, государственные дела и объединение всей Поднебесной, то мы могли бы каждый день вот так развлекаться, лежать, есть и спать, что, по правде говоря, тоже весьма недурно.

От подобных слов император Силэй растрогался до глубины души и, ещё крепче обняв любимого феникса, прижался губами ко лбу, что был облеплен влажными локонами, после чего приглушённо спросил:

— Фэн Мин, устал?

Князь, помолчав с минуту, почти неслышно со вздохом ответил:

— Я раньше не думал, что могу собственными руками убить кого-либо. К тому же не раз, ведь за одним убийством совершилось следующее, меч окрасился кровью, которая тотчас же оказалась на руках...

Жун Тянь немедля прервал его:

— Тогда мы не поедem в Тунцзэ, а сейчас же вернёмся в Дунфань. Там господин министр, рядом с которым ничего не угрожает, и тебе совершенно не нужно никого убивать. А я, решив все внешние дела, сразу вернусь к тебе.

Но князь, стиснутый в крепких объятиях императора Силэй, покачал головой.

— Фэн Мин, послушай меня, все эти дела тебе не подходят. Ты никогда не изучал, как вести бой с оружием в руках, как занимать боевую позицию на поле боя и как справляться с преступной знатью. Мы с тобой разные, я, разумеется, понимаю, что случилось в тот день, и знаю, что произойдёт потом.

Слушая наполненный серьёзностью, что смешивалась с нежностью, совет, князь немного испугался, но, закусив нижнюю губу, всё так же медленно покачал головой, как и до этого.

После ночных утех в уже более-менее спокойной и мрачной атмосфере с лица силэйского князя Мина потихоньку сошёл румянец, на место которого вернулся изначально белый цвет, коим обладала знать, красивые черты являли крайне редкое молчаливое упрямство, которое скрывалось под слоем чистоты и откровенности.

К тому же при близком рассмотрении сцена, что открылась перед глазами, полностью отпечаталась в сердце, и император Силэй ещё крепче стиснул податливое тело, находящееся в объятиях, словно готов был на протяжении всей жизни не разжимать рук.

И, неслышно вздохнув, спросил:

— Так зачем? Ты хоть понимаешь, как сильно у меня болит сердце? В день, когда ты покинешь меня, моя душа тотчас же отправится[1] за тобой. — Взяв руку Фэн Мина, молодой мужчина прижал длинные пальцы к своей крепкой груди.

Даже сквозь натренированные грудные мышцы ясно ощущалось, как неистово бьётся сердце императора Силэй, возвещая о жизни. Фэн Мин, держа руку на груди государя, похоже, пребывал в растерянности, чувствуя столь энергичное сердцебиение молодого[2] мужчины.

Спустя очень долгое время князь шёпотом прервал молчание:

— Я... хочу вместе с тобой... на века остаться в памяти потомков.

— Они запомнят, и моё имя тысячи лет будет находиться рядом с твоим.

— Нет, не просто так. — Подняв голову, Его Светлость встретился с вопрошающим взглядом Жун Тяня.

Через мгновение князь Мин, сложив губы, медленно поднял уголки рта, обнажая прекрасную улыбку:

— Жун Тянь, я позволю тебе стать единым и крайне счастливым правителем всей Поднебесной в истории.

На лице всё ещё таилась шелковинка ребячества. Происходя из именитого рода, Фэн Мин отличался от знати прошлых эпох, что считали себя выше остальных.

Занимавший особое положение молодого господина Сяо силэйский князь Мин вовсе не испортился надменностью, высокомерием и гордым себялюбием.

Однако его неповторимая мягкость и чистота были подобны непоколебимому озеру. В один миг Жун Тянь почувствовал жар в глазах. Он понимал: счастье — что удалось встретить Фэн Мина на своём жизненном пути, наполненном военной смутой и заговорами, вот только он не знал, что оно будет настолько сильным.

— Фэн Мин, я уже очень счастливый правитель.

— Всё ещё нет, — недовольно по пальцам пересчитав людей Жун Тяня, отозвался князь. — Жун Ху говорит, что правитель — самый одинокий и страдающий[3] человек в мире. И поскольку за его спиной нет того, на кого можно было бы положиться, он вынужден искать защиты в своём лице. Если государь потерпит поражение, то его любимого человека, которого нужно защитить, уничтожат до состояния пепла. Поэтому быть государем означает до последнего вздоха смело держаться на ногах, несмотря на множество ранений, и, находясь перед своим врагом, защищать как себя, так и любимого человека.

Охнув в душе, Жун Тянь внешне лишь улыбнулся:

— Жун Ху с тобой действительно слишком много говорит.

— Я тоже государь — силэйский князь[4] Мин.

— Конечно, можешь так считать, вот только...

— Поэтому ты никогда не будешь одинок и несчастен, — зашевелившись, Фэн Мин прислонил ухо к груди, слушая, как сильно бьётся сердце императора Силэй. Вслед за тем его шёпот прервал тишину: — Я хоть и глупый, да и храбрости маловато, и очень боюсь смерти, но сделаю так, как советует господин министр. Буду непрестанно упражняться, дабы стать князем Мином, способным выполнить любое дело самостоятельно.

И почти неслышно второй раз в жизни поклялся:

— Отныне, когда я ранен, то ты рядом.

— Когда ты ранен — я рядом.

— Жун Тянь, за твоей спиной есть опора — я.

— Я не знаю, переоцениваю ли свои силы, но во всяком случае господин министр уже поручил мне идти одним путём.

— И, невзирая на множество опасностей и лишений, я обязательно его преодолею.

Все сказанные слова, которые нельзя было отчётливо услышать, не наострив уши, своей силой словно парализовали кровеносные сосуды императора Силэй, который, в свою очередь, никогда не чувствовал такой неопишуемой признательности. Молодой мужчина вновь поклялся, что по возвращении в Силэй устроит величественную церемонию, где выразит всю благодарность Небу и духам.

Так как эти духи даровали ему Фэн Мина. В сравнении с подношением целого мира, этот дар был ценнее. Жун Тянь держал князя в своих объятиях, ощущая непорочно-мягкий аромат от хорошо знакомого тела, такого нежного, неопытно-утончённого, сохранившего в себе юношеские черты.

Однако было нечто большее: казалось, птенец, которого он с особой бережностью защищал, впервые расправил перед ним свои красивые крылья. Они существовали изначально, вот только были маленькими и сложенными, а теперь птица внезапно раскрыла их, способных своей восхитительно-очаровательной красотой потрясти весь мир.

Спустя долгое время Жун Тянь опустил голову и нежно поцеловал лоб князя.

— Фэн Мин, — начал молодой мужчина, — мы останемся в памяти потомков. Силэйский князь Мин — вечная опора государя Силэй Жун Тяня, подобное с самого начала останется неизменным.

Голос Жун Тяня звучал спокойно с вплетёнными нотками решительности.

— Ты можешь продолжать свой путь, а я всеми силами буду и дальше защищать тебя.

— Но не забывай: в прошлом я уже поклялся, стоя на горе перед всем Силэй, что вместе с тобой разделю этот мир, лишь беды я буду преграждать в одиночку. Фэн Мин, я не позволю тебе столкнуться с какими-либо невзгодами.

— Не беспокойся, — слабо улыбнулся Фэн Мин, — я сам не позволю себе сталкиваться с какими-либо бедами и обязательно хорошенько о себе позабочусь. — Договорив и приняв более удобное положение, князь прижался мягкими губами к соску Жун Тяня, нежно целуя.

Из горла вырвался тихий и в то же время хриплый стон.

— Может, сначала перекусим, дабы пополнить силы? — двусмысленные слова сорвались с величественных уст, и тишина покоев тотчас же наполнилась едва различимым вкусом развратного желания.

Охваченный огромным стыдом, Фэн Мин вытаращился на Жун Тяня:

— Кто хочет пополнить силы, а? — И «нырнул» под шёлковое одеяло.

Жун Тянь, выпустив приятный низкий смех, жестоко обмотал талию матерчатой тканью, закрывая нижнюю часть тела, затем поднялся с постели, взял чашечку с палочками для еды и, зная вкусы Фэн Мина, наполнил её овощами и зеленью, которые выбрал из стоящих на столе мисок. Наконец, подойдя к кровати, молодой мужчина сел:

— Давай-ка князь Мин покорно вылезет. Разве не хочешь быть государем, дабы выполнить любое дело самостоятельно? Не поешь, не будет сил, как тогда исполнишь задуманное?

На что князь высунулся из-под одеяла, взволнованно прося:

— Я сытый, сил хватит, позволишь мне приласкать себя?

— Поясницу не ломит? Удовлетворить меня крайне затруднительно-о.

Его Светлость, заливаясь багровым румянцем, потребовал:

— Прояви небольшую инициативу — оседлай меня, лучше, конечно, если будешь двигаться сам.

Прищурившись понятливо, Жун Тянь лукаво улыбнулся и уже хотел было ответить, но внезапно за дверью раздался голос Жун Ху. Очень «вовремя».

— Князь Мин, Ваш подчинённый хочет доложить важную новость.

Жун Тянь скрытно пробрался в Тун, снаружи находящиеся люди Сяо Цзуна хоть и являлись своими, однако ради безопасности силэйского императора чем меньше людей знало о «наличии» такого важного гостя, тем лучше.

Поэтому-то ожидавший за дверью Жун Ху доложил, не упоминая ни слова об императоре. Князь вскрикнул разочарованно — он как раз мечтал о приятных занятиях, но Жун Ху испортил всё настроение, в итоге расстроенный

Фэн Мин, взъерошив волосы, был вынужден громко позвать:

— Входи. Жун Ху, что там ещё за важная новость?

Телохранитель выполнил приказ, вошёл, за ним шли ещё двое мужчин: один — это уже наевшийся и отдохнувший с дороги Цзы Янь, а второй — совершенно неожиданный гость, вызвавший у князя восторг.

— Мянъ Я? — Фэн Мин удивился, пряча тело под шёлковым одеялом, он это сделал ещё перед тем, как Жун Ху с товарищами вошёл в дверь, и с лёгкой улыбкой спросил: — Кто бы мог подумать, что ты явишься?! Своевременно. Когда приехал? Ах, сегодня так шумно, прямо огромная компашка[5]!

После того как закрылась дверь, телохранители не осмелились вести себя легкомысленно и первым делом, обратившись к государю и князю, поприветствовали их.

Поклонившись, Мянъ Я ответил на вопрос Его Светлости:

— Докладываю князю Мину: Ваш подчинённый только что прибыл в Ханьжо. Государь отправил Вашего подчинённого вместе с его людьми разведать обстановку во всех государствах, и, получив некоторые новости, Ваш подчинённый узнал весть из Дунфань, что государь уже отправился к князю Мину, поэтому Ваш подчинённый посчитал лучшим как можно скорее отправиться в Тун. Где, к счастью, Вашему подчинённому удалось встретиться с князем Мином и государем.

Тяготы длительного пути сказались и на Мянъ Я, очень истощив тело и сделав смуглой кожу, а деловитый вид на лице стал читаться ещё яснее. Жун Тянь, требующий срочных новостей из всех государств, при появлении Мянъ Я в душе крайне обрадовался и в первую очередь

спросил:

— Где сейчас Жо Янь?

— Докладываю государю, полагаясь на полученные вести: император Ли по-прежнему находится в Тяньинь, — по-будничному отозвался Мянью Я, казалось, у него были куда более важные новости, и, не позволяя себе непринуждённости, телохранитель Силэй вновь заговорил: — Государь, на обратном пути Ваш подчинённый отправился в Юэчжун. В настоящее время принц Юн И, получив согласие императора Юнъинь, официально взял Юэчжун под своё управление, теперь, благодаря присмотру принца, Цянь Линь и остальные, по крайней мере на какой-то период времени, не будут беспокоиться, что войска Юнъинь пойдут на них войной.

— Угу, очень хорошо, — окинув их взглядом, Жун Тянь словно понял настроение трёх приближённых охранников и блёкло задал вопрос: — Теперь рассказывайте плохие новости, в конце концов, из-за чего у вас такие хмурые лица?

— В целом в Юэчжун всё в порядке, нынешнее положение стран Фаньцзя и Ли почти такое, как и предполагал государь. Вот только император Ли Жо Янь на удивление уже несколько дней пребывает в Тяньинь. Что касается дела, которое беспокоит Вашего подчинённого, по прибытии в Ханьжо Ваш подчинённый обратился к Жун Ху, поинтересовавшись, и только тогда выяснилось...

— Хорошо, — силэйский император перевёл взгляд на Жун Ху. — Жун Ху, давай рассказывай.

Лично Жун Тянь занимался как воспитанием, так и тренировками этих трёх охранников, и, в отличие от Мянью Я и Цзы Яня, Жун Ху выглядел крайне мрачным, потому догадаться было не сложно. От малейшей мысли небольшая тяжесть осела на сердце.

Неужели что-то случилось с Ле-эром?

С застывшей на лице серьёзностью Жун Ху, сложив руки в знак почтения, доложил:

— Государь, в Юэчжун Мянью Я встретился с принцем Юн И. И, полагаясь на слова Его Высочества, Ле-эр уже отправился в Тун, дабы встретиться с нами.

— А? — вытаращил большие глаза Фэн Мин, в недоумении выпалив: — Когда Ле-эр отправился в путь? Почему по пути не встретился с нами?

— Вашего подчинённого... это и беспокоит.

Стоящий в стороне Мянью Я подал голос:

— Принц Юн И передал Вашему подчинённому письмо, которое нужно вручить Ле-эру, поэтому Ваш подчинённый, увидев Жун Ху, немедля спросил, есть ли новости о Ле-эре. Но никак не думал, что Ле-эр ещё раньше Вашего подчинённого отправился из Юэчжун и всё ещё не явился к князю Мину.

— Даже новостей от него нет.

Фэн Мин неожиданно напрягся. Теперь он понимал, почему у всех троих такие мрачные лица.

С рвением Ле-эра если бы в пути всё было гладко, то он давно уже присоединился бы к остальным, в том числе и к князю Мину.

Даже если немного замешкался бы в пути, то наверняка отыскал бы способ связаться с Мянью Я либо разведчикам рода Сяо, хоть какие-то новости, но сообщил бы о себе.

А поскольку никаких вестей не было, то пропажа на пути с Юэчжун в Ханьжо выглядела действительно скверно. Жун Ху хоть и не тревожился, но, увидев, как побледнел князь, получив плохое сообщение, приглушённо успокоил:

— Князю Мину не стоит тревожиться, Ле-эр очень смыслённый, даже если столкнётся с бедой, думаю, справится благодаря своему умению.

В ответ Жун Тянь приказал:

— Мянью Я, немедля задействуй своих людей, выясни хоть какие-то новости о Ле-эре. — Между сведённых к переносице бровей у Его Величества появилась небольшая морщинка.

Если говорить о сообразительности и умении приспособливаться к изменчивой обстановке, то среди нескольких приближённых больше всего подходил Ле-эр, долгое время скрывавшийся в стенах дворца Юньинь. Он хорошо знаком с землями Юньинь, имеет отношения с Юн И, являющимся опорой и защитой для него, но молодой телохранитель, как раз наоборот, исчез там, где вообще не должен был пропадать.

Когда настала тишина, в душе императора Силэй появилось почти неуловимое, скверное чувство — наверняка что-то произошло.

После пробуждения голова нещадно болела, готовая вот-вот треснуть, но спустя минуту телохранитель Силэй вспомнил о плене, мгновенно понимая настоящий замысел жестокого и бессердечного мужчины, который ещё даже не показался на глаза.

Полностью вымотанный Ле-эр медленно поднял ресницы. Хоть юный телохранитель Силэй не был в состоянии немедля сесть и детально рассмотреть окружающую обстановку, но, опираясь на выработанную за долгие годы тренировок острую наблюдательность, юноша понял, что его

перенесли из трясущейся повозки в другое место.

В глазах по-прежнему сохранялась иллюзия покачивания, к этому ещё добавлялось плохое самочувствие, потому всё виделось как в тумане; юноша догадывался, что на какое-то время кто-то с помощью сонного лекарства обуздал его.

Также юный телохранитель Его Светлости знать не знал, где очутился.

С трудом поддерживая себя и не желая вновь терять сознание, Ле-эр старательно смерил взглядом комнату: большая огромная парчовая занавеска свешивалась с верхней части окна до самого пола, врывающийся в окно лёгкий ветерок нежным дуновением вздымал дугой ткань, стена же была обвешана пёстрыми картинами, большинство из которых были с изображением различных растений и цветов.

Подобное убранство крайне часто встречалось в зажиточных домах Юньинь.

В душе Ле-эр пришёл к выводу: «По крайней мере нахожусь не за границей, а, наоборот, по-прежнему пребываю на территории Юньинь. Надеюсь, Юн И узнает о моём пленении».

— Отсюда до пристани Фэньчэн целых триста пятьдесят ли, — раздавшийся позади низкий мужской голос заставил Ле-эра неожиданно вздрогнуть, а по спине прошёлся холодок.

Изящная ладонь неспешно скользнула по плечу Ле-эра, глядя его, вынуждая перевернуться изначально боком лежащего на кровати юношу вслед за этим нежным прикосновением, которому сопротивляться было невозможно.

Взгляд также вынужденно встретился со взором бездонных, чёрных, таящих в себе — за маской лживой нежности и любви — жестокость и злобу глаз. Боль охватила тело, и Ле-эр опустил веки.

Юй Лан вздохнул:

— Ле-эр, ты так ненавидишь меня?

Мужчина пальцем скользнул по бледным губам юноши, но Ле-эр, словно сейчас в уста впиалась ядовитая змея, внезапно открыл глаза и, скрежеща зубами, выплюнул:

— Не трогай меня!

Ле-эр выдохнул резко несколько раз и обратил взгляд, который становился всё острее, на находящийся напротив красивый лик безукоризненного[6] мужчины, обладающего хорошими манерами:

— Ты в Фэньчэн устроил ловушку, желая навредить нашему государю. Юй Лан, ты... ты, в конце концов, кому так усердно прислуживаешь?

Ле-эр, в свою очередь, долгое время прослуживший шпионом, скрываясь в стенах императорского дворца Юньинь, реагировал крайне смышлёно.

Юй Лан был не просто обнищавшей знатью, которого парень много лет назад встретил в Юньинь.

О, нет! Этот мужчина являлся тем, кто так талантливо пробудил тогда чувства в нём, Ле-эре, позволив влюбиться с первого взгляда, из-за которого молодой мальчишка тогда чуть не бросил всех следовавших за ним очаровательных[7] юношей.

О, нет! Этот мужчина являлся тем, кто отказался бежать вместе с ним, Ле-эром, боясь оскорбить государя Юньинь, и дабы избавиться от него, на тот момент ещё юного мальчишки, которого привязал к себе словно верёвками, позволил ему возжелать о смерти, не побрезговав прибегнуть к крайне жестоким методам, обрушивая на голову Ле-эра множество невзгод.

Всё лишь ложь, Юй Лан был коварен. Он из тех, кто со злым умыслом переходит из рук одного влиятельного подлеца к другому!

— В землях Юньинь и среди юньиньской знати, боюсь, нет никого способного хорошо вести дела, позволяя тебе так мастерски прислуживать ему. Да и действительно ли ты являешься человеком Юньинь — мне неизвестно.

Независимо от его предположений, Юй Лан обнажил белые, словно сахар, зубы, ухмыляясь:

— Благородный Его Высочество принц Юн И и впрямь относится ко мне недурно. Он что, ничего тебе не рассказал?

На что Ле-эр с пренебрежением вернул ему ухмылку и, подчёркивая каждое слово, сказал:

— Юй Лан, такие люди, как ты, только и могут, что портить чужие отношения. Тебе никогда не понять наше с Юн И доверие.

Будучи пленником, телохранитель Его Светлости вёл себя нагло и задиристо, но Юй Лан, несмотря ни на что, невозмутимо[8] лишь улыбнулся.

— Раз уж ты не являешься человеком Юньинь, мне остаётся только сказать: ты — шпион, пробравшийся из какой-то страны на территорию Юньинь. Только какое из государств тебя подослало, в конце концов?

— Ты угадал.

— Ты человек императора Ли Жо Яня, — очень уверенным тоном Ле-эр озвучил свои догадки.

Юй Лан улыбнулся ещё шире, не скрывая мягкость и ласку, вслед за тем искренне похвалил:

— Ле-эр, ты всё же такой умный. Мне это, правда, нравится. — И, приподняв подол длинного платья, мужчина сел на край кровати.

Юй Лан вытянул изящные руки и сгрёб Ле-эра, который всеми силами старался увернуться, но из-за действия снадобья, увы, так и не смог сопротивляться.

Горячие губы слегка коснулись кожи, что «пряталась» за толстеньким завитком[9] как раз неподалёку от нежной мочки уха.

— Твои догадки верны, я действительно человек Ли. Но не только, я всё же происхожу из благородной семьи Ли и, согласно линии родства, боюсь, что даже государю придётся называть меня старшим двоюродным братом[10].

Стиснутый в объятиях парень слегка вздрогнул.

Юй Лан, не придав значения, вновь уверенно продолжил:

— Ты, конечно, не веришь, посчитав, что я лгу тебе, ведь тому, кто всю жизнь прослужил шпионом, в большинстве случаев светит крайне жестокий финал: попав в руки неприятеля, только остаётся искренне умолять о смерти. Я происхожу из действительно уважаемого рода, так зачем с юности плыть по воле волн, скитаясь по свету и не находя покоя ни днём, ни ночью, в любое время готовый умереть где-нибудь на диких землях? Не лучше остаться в Ли и, наслаждаясь хорошим вином и едой, окружить себя заботой множества отборных красавиц и изо дня в день кутить, развлекаясь?

Ле-эр знал — этот человек от природы обладал необычайной привлекательностью, и изначально юноша решил предпочесть гибель покорности, но ни за что не сблизиться с ним вновь. Однако, услышав слова Юй Лана, телохранитель Его Светлости помимо своей воли увлёкся, мужчина завладел его вниманием. Втайне ненавидя себя за слабовольность, Ле-эр загорелся желанием продолжать слушать, что говорит Юй Лан.

Стиснув белые, словно серебряные, зубы, Ле-эр промолчал. Юй Лан, будучи крайне невыносимым и безжалостным человеком, хорошо понимал, как следует искусно действовать в самый подходящий момент, и, договорив до этого места, неожиданно остановился, лишь спокойно обронив:

— Верись моим словам или нет, всё равно, ведь в любом случае ты уже в моих руках, потому

обманывать тебя нет никакого проку.

Нежно держа чёрные локоны Ле-эра, Юй Лан со вздохом добавил:

— Ты думаешь, что я безжалостен, а я думаю, что безжалостен ты. Не окажись ты тогда по неосторожности схваченным в землях Ли, а позже не соверши ловкий побег[11], я бы не узнал обо всём, ведь могу поклясться, мне ни за что бы в голову не пришло, что встретившийся мне тогда — в стенах императорского дворца Юньинь — невинно смеющийся мальчик Фу Цюй на самом деле приближённый Жун Тяня из Силэй! С момента нашего знакомства и до сих пор я знал, что твоё имя не Фу Цюй, а Ле-эр.

Юй Лан слегка улыбнулся, рассказывая крайне приятным голосом. Ле-эр лишь почувствовал, как волосы по всему телу встают дыбом.

Этот мужчина со злым сердцем и жестокими руками[12], резко изменчивый и безжалостный, прибегающий ко всяким издевательствам, которые простому человеку даже в голову прийти не могли, в те времена позволил Ле-эру испытать все мучения на себе. По правде говоря, юноша был охвачен таким отчаяньем, что даже жить не хотелось, а в ту пору, если бы он не служил до потери сил силэйскому государю и если бы не появился Юн И, который действительно хорошо относился к нему, то, вероятно, Ле-эр давно превратился бы в грудку костей.

А самое возмутительное, что объятия этого мужчины по-прежнему были такими тёплыми и крепкими, как тогда поначалу, окутывающие чувством весеннего ветра[13].

Ле-эр, понизив голос, озлобленно процедил:

— Верно, я человек Силэй, пробравшись во дворец Юньинь, выводывал информацию для нашего государя. Если думаешь пытками узнать что-нибудь о нашем государе, то не нужно «транжирить» свои навыки. Юй Лан, даже не мечтай, что получится хоть слово из меня вытянуть.

Взглянув на строптивного парня, Юй Лан рассмеялся:

— Думаешь, я привёз тебя сюда, дабы пытать, где находится Жун Тянь?

Ле-эр не был склонен с ним разговаривать и, закрыв глаза, несколько раз фыркнул.

На что Юй Лан прервал короткое молчание:

— Прошло несколько дней с того момента, как ты попался в мои сети в Фэньчэн, что же касается того, где находится твой государь, то на первый взгляд, вероятно, тебе тоже ничего не известно. Кроме того, другой твой господин, о котором ты заботишься — князь Мин...

Сердце пропустило удар.

Понимая, что Юй Лан вновь прибегает к крайне излюбленному методу «сломить дух», парень непреклонно продолжал держать глаза закрытыми, храня молчание.

Не обманув, мужчина, вовсе не гневаясь, продолжил:

— О том, где он находится, почти всей Поднебесной известно, при нём множество хорошо обученных силэйских солдат и мастеров меча рода Сяо, потому он думает, что в безопасности и не беспокоится ни о чём. Хех, и впрямь забавно.

В сказанном чувствовался скрытый смысл, и хоть Ле-эр внешне сохранял невозмутимость, но в душе обеспокоился.

«Неужели он хочет нанести удар князю Мину? Этот полный интриг и коварства человек обладает крайне безжалостными методами, и если князь Мин является предметом его слезки, то он...»

Поскольку парень находился в крепких, словно оковы, объятиях Юй Лана, любое движение не оставалось незамеченным.

Даже когда Ле-эр тихо сжал ладонь в кулак, это крайне невесомое движение всё же не ускользнуло от взгляда мужчины.

Юй Лан непринуждённо наслаждался ароматом, исходящим от щеки Ле-эра, подобная манера выглядела несколько фривольной, однако совершенно не вульгарной и гнусной, наоборот, в какой-то мере безмятежно-очаровательной[14].

— Даже не мечтай каким-либо образом сообщить князю Мину. Ле-эр, пойми одно, из моих рук ещё никто не вырвался. Иначе спокойно бы я дожид до сегодняшнего дня?

Кончиком пальца обведя красивые губы, мужчина медленно скользнул вниз по телу, двусмысленно приближаясь к талии. Легко касаясь ушка Ле-эра, Юй Лан всё также двусмысленно выплюнул:

— Ле-эр, знаешь, ты мой самый огромный провал в жизни. В тот день в Юнъинь я действовал искренне, но чтобы ты не препятствовал мне в дальнейшем, следовало бы тебя втихаря убить, одному конец — всему конец[15]. Вопреки ожиданиям, когда дело дошло до решающего момента, я не смог нанести удар и был вынужден безжалостно мучить и издеваться над тобой, позволяя тебе выкинуть меня из головы и поскорей отправиться обратно в императорский дворец Юнъинь, где ты продолжил жить в почёте и счастье. Откуда мне было знать, что ты — шпион Жун Тяня, вот где я действительно недооценил тебя.

В голосе звучал приглушённый смех.

— Ради того, чтобы моё государство объединило всю Поднебесную и народ вечно наслаждался спокойным блаженством, я однажды перед Небесами поклялся кровью, что до конца жизни моя душа будет принадлежать только Ли и я, Юй Лан, стану его оружием, не позволяя никаким любовным отношениям вредить моей стране. Но именно ты... — Мужчина остановился и, опустив голову, посмотрел на до боли знакомое лицо парня. На всегда спокойном улыбчивом лице мелькнула, словно молния, шелковинка судороги, искажая его. — Ле-эр... — Юй Лан разомкнул губы, которыми тотчас же прижался к изящной и утончённой шее, целуя сзади[16].

Сам мужчина, словно посасывая, постепенно начал белоснежными зубами покусывать кожу ослабшего и не оказывающего сопротивления Ле-эра, с каждым разом вонзая зубы всё сильнее.

— М... — лёгкий стон сорвался с уст.

Парень, которому на протяжении долгого пути вливали лекарство, был крайне обессилен и не мог стерпеть боль.

И хоть Юй Лан «впивался» не глубоко, но раз за разом слегка будоражил раны, позволяя Ле-эру невольно мелко вздрагивать от боли. Казалось, немного уняв гнев, Юй Лан захотел всё же пощадить юношу — языком скользнул по только что оставленным отметинам — а после шёпотом продолжил:

— В тот день, если бы хватило капли решительности, то убил бы тебя, заставив замолкнуть навсегда, чтобы потом ты не сбежал из земель Ли и тайком не позволил Жун Тяню связаться с Юн И. Две страны, Силэй и Юньинь, по одиночке не устояли бы перед моим государем, потому быстро сплотились и вместе устроили засаду на побережье реки Оман. В том сражении погибло множество солдат Ли, я не думал, что моя страна из-за моей роковой ошибки понесёт такие огромные потери. Из-за меня и моего нежелания отпустить любовную тоску погибло войско Ли.

Слушая его голос, что становился всё зловещее и печальнее, телохранитель Его Светлости смутно понимал: дело плохо. К тому же сказанное Юй Ланом не являлось каким-то вздором.

Битва, произошедшая на реке Оман в те далёкие года, отчасти была его рук дело, ведь это он, Ле-эр, тайком связался с Юн И, благодаря которому успешно заручился поддержкой императора Юньинь, и, храня тайну о всех передвижениях многочисленного войска Силэй по территории страны, дабы армия Ли не узнала всей правды, пока направлялась к берегам реки Оман, юный силэйский телохранитель распространил слух — в надежде одурачить Жо Яня — что Жун Тянь пропал без вести и его до сих пор не нашли.

Для того чтобы выиграть или проиграть, достаточно одного мгновения, но в войне плоды победы часто зависят от всевозможных ситуаций, которые появляются из предварительно зарытых мелких семян.

Так было и в великой битве на реке Оман, где главным звеном к победе, конечно же, являлось

родство душ князя Мина и императора Силэй, который без слов понял план с «цепным кораблём». Однако если бы Ле-эр не получил должной поддержки со стороны юнъиньского государя, невозможно было предугадать, изменился бы исход битвы или нет.

Даже понимая, что дело плохо, Ле-эр был полон отваги, совершенно не боясь, и, словно дикое животное, заключённое в клетку, которая являлась объятиями Юй Лана, смело обронил:

— Верно, это я сделал. Жаль, что огромный пожар, полыхавший на берегу реки Оман, не сжёг без остатка всё ваше отборное войско Ли, да и Жо Янь, этот подлец, заживо не сгорел в его пламени.

Юй Лан при сказанном, наоборот, рассмеялся, спокойно говоря:

— Ле-эр, думаешь разозлить меня, полагая, что я с удовольствием тебя убью, да вот только не так-то просто вызвать мой гнев.

Сердце ёкнуло, и Ле-эр холодно процедил:

— Я уже в твоих руках, если что и надумал сделать, то можешь смело приступать, незачем церемониться.

Примечания:

[1] 悬 (xuán) — сюань — быть далеко расположенным\оставлять без опоры\оставлять в неопределённом положении\беспокоиться\тревожиться.

[2] 年轻 (niánqīng) — няньцин — молодой, юный.

[3] 辛苦 (xīnkǔ) — синьку — многозначное слово, означающее как «страдать», «мучиться», так и «работать в поте лица». То есть тяжёлый труд в Китае приравнивается к страданию.

[4] Дело в том, что ван (王) можно перевести как король (но это Китай, поэтому государь\император\правитель), так и князь, имеется в виду удельный. Следовательно, чтобы не путаться, Жун-ван в нашем переводе является государем Силэй, а Мин-ван — князем.

[5] 达就汇 (dà jù huì) — да цзюй хуэй — русский аналог «набралось гостей со всех волостей».

[6] С оригинала фразу можно дословно перевести как «нет слабого места, по которому можно было бы ударить», обр. в знач.: безупречный, безукоризненный, непогрешимый, без изъяна.

[7] Фэнлю (风流) означает не только «выдающийся» и «чистый, очаровательный», но и «любовь; романтический, любовный», а также «продажная любовь, проституция, разврат».

[8] 云淡风轻 (yúndàn fēngqīng) — юнь дань фэн цин — «лёгкие облака и ветерок», обр. в знач.: невозмутимо, спокойно.

[9] Свободный загнутый край снаружи ушной раковины, что образует закругленную дугу, называется завитком.

[10] Юй Лан называет себя 卍 (biǎoxiōng) — бясюн — старший двоюродный брат\кузен по материнской линии.

[11] Юй Лан вспоминает события 4-го тома, а именно с 71-ой главы по 74-ую, когда Фэн Мина вместе с Жун Тянем и всей свитой Жо Янь «загнал в угол», сделав лабиринт клана Туюэ «дымовой» ловушкой.

[12] Обр. в знач.: жестокосердный и беспощадный.

[13] Обр. в знач.: милосердие, великодушие; а также можно перевести как «секс, половой акт».

[14] 卍 (xiāngyàn) — сянянь — можно перевести не только как «благоухающий», «очаровательный», но и «сексуальный», «романтичный». «Сянянь» относится как к описанию ароматов цветов и красоты, но так же часто употребляется в риторическом украшении речи, можно сказать, «цветистой» поэзии, где означает красочное описание чувств. Более того «сянянь» может означать и эротический рассказ, роман, фильм.

[15] Обр. в знач.: решить проблему одним махом, одним ударом решить все проблемы.

[16] В оригинале 卍 (hòujǐng) — хоуцзин — означает «загривок», «затылок».

<http://bllate.org/book/13377/1190245>